

Вероисповедная политика Советского государства и мусульмане Дагестанской АССР в новых условиях послевоенного времени (1950–1965 годы)

Аннотация. Статья посвящена политике официальных властей в послевоенный период в религиозной сфере и отражение её на исламской религии, мусульманских верующих и духовенства в Дагестанской АССР. Либерализация религиозной политики послевоенного периода создала благоприятные условия для существования в Дагестане мусульманских религиозных объединений в послевоенный период. Относительно стабильные государственно-религиозные отношения после окончания Великой Отечественной войны к концу 1950-х годов

подошли к новой черте, характеризующейся нагнетанием антирелигиозных настроений. Данный курс был продиктован не только религиозной активностью населения страны, но и изменением политического сознания во властных структурах. Автор также затрагивает роль мусульманского духовенства во внешней политике СССР. На фоне позитивных изменений исламской жизни советских верующих освещаются трансформационные процессы, связанные с попыткой всё «исламское» заменить на светское. Однако степень религиозности населения в республике сохранялась, что демонстрируется статистическим материалом. Автор на основе анализа архивных документов детально анализирует особенности государственно-конфессиональных отношений в 1950–1965 годы в Дагестанской АССР и приходит к выводу о том, что политика властных структур в отношении духовенства и религии в целом была целенаправленной и гибкой.

Ключевые слова: СССР, Дагестан, вероисповедная политика, религия, духовенство, ислам, государственно-конфессиональные отношения

Olga B. Khalidova

Religious Policy of the Soviet State and the Dagestan Muslims in New Conditions of the Postwar Period (1950–1965)

Abstract. The article is devoted to policy of authorities during the post-war period in the religious sphere and its impact on Islam, Muslim believers, and clergy in Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic. Liberalization of religious policy in Dagestan of the postwar period created favorable conditions for existence of Muslim religious associations during the post-war period. To the end of the 1950s rather stable state and religious relationship after the termination of the Great Patriotic War had come to a new threshold which was characterized by forcing of antireligious moods. This course was dictated not only by religious activity of the population of the country, but also by change of political consciousness in power structures. The author also mentions the role of Muslim clergy in foreign policy of the USSR. Against the background of positive changes in Islamic life of the Soviet believers, the author covers transformational processes connected with an attempt to replace all the “Islamic things” with the secular ones. However, according to statistical data, the degree of religiousness of the population in the republic remained. On the basis of archival documents the author analyzes in details features of state and religious relationship in 1950–1965 in Dagestan ASSR and comes to a conclusion that the policy of power structures concerning clergy and religion was in general purposeful and flexible.

Key words: USSR, Dagestan, religious politics, religion, clergy, Islam, church-state relations

Халидова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ягарского 75; o.khalidova2011@mail.ru

Olga B. Khalidova – PhD (History), Research Fellow at the Department of Modern and Contemporary History of Dagestan, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 75 M. Yagarsky str., Makhachkala, the Republic of Dagestan, Russia, 367030; o.khalidova2011@mail.ru

Интерес к российской истории в постсоветский период стал отправной точкой для широкого изучения региональной истории. Особый интерес для исследователей представляют вопросы, связанные с взаимоотношением официальной власти и религиозных организаций. В этой связи, вполне актуальным представляется осмысление деятельности органов государственной власти и управления жизнью верующих мусульман и мусульманского духовенства в регионах с преобладающим мусульманским населением, в частности в Республике Дагестан. Исламская вера, веками распространяющаяся среди проживающих здесь народов, явилась мощным объединяющим фактором для них. С учётом большого уровня религиозности мусульманского населения республики руководители Советского государства поначалу проводили осторожную политику по отношению к мусульманскому духовенству, исламу и шариату, отмечая значимую роль религии в жизни дагестанских народов и подчёркивая необходимость продуманной политики в религиозной сфере.

От «религиозной оттепели» до «антирелигиозного наступления»

Либерализация религиозной политики послевоенного периода, создание в 1944 году Духовного управления мусульман Северного Кавказа (г. Буйнакск) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 299. Л. 45], а также целый ряд постановлений и распоряжений создало благоприятные условия для существования в Дагестане мусульманских религиозных объединений в послевоенный период. Организация мусульманского паломничества в Мекку в октябре 1945 года [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 82] после двадцатилетнего перерыва стала первым позитивным актом в отношении мусульман во второй половине 40-х годов XX века.

Прогрессивное значение имело постановление 1946 года «О молитвенных зданиях религиозных культов», в рамках которого религиозным организациям разрешалось арендовать помещения с разрешения Совета или его уполномоченного [Цыпин, 1997, 279]. Повсеместно отмечалось празднование религиозных праздников – Ураза-байрам и Курбан-байрам. В Дагестане Уполномоченный Совета по делам религиозных культов А. Закарьяев при изучении религиозности и религиозного настроения мусульман республики отмечал в своих отчётах отсутствие резкого увеличения посещения мечетей на период с 1947 по 1949 годы и, опираясь на цифровые данные, наблюдал некоторое снижение [Власть, 2007, 162]. Однако позиции религии в Дагестане были крепкие, особенно в аварских районах республики. Примером этому может служить факт совершения намаза. Так, 19 из 20 чабанов с. Хунзах Хунзахского района во время кочёвки на летние пастбища исполняли пятикратный намаз [Власть, 2007, 163].

В 1951 году в одной из справок Совета по делам религиозных культов о состоянии и деятельности религиозных культов отмечалось, что в Дагестанской АССР пост соблюдали, ориентировочно, 70–75% всего взрослого населения [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 52]. При этом ежедневно во время поста в ночных молитвах число молящихся по десяти мечетям ДАССР достигало примерно 1200 человек, тогда как в обычные дни эти же мечети посещали не более 160 человек [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 52].

С другой стороны, проявление лояльности со стороны государства породила целый ряд незарегистрированных мечетей, широкую деятельность религиозных кружков, издание нелегальной исламской литературы, а также расслоение верующих на множество суфийских групп во главе с мюршидами.

Об активной деятельности мусульманского духовенства сообщается в докладной записке министра внутренних дел ДАССР в 1953 году. Он информировал о том, что в Дагестане существует более 10 духовных авторитетов, которые выдают себя за шейхов и ведут вербовку в мюриды в населённых пунктах Нагорного Дагестана [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 96. Л. 46]. Занимаясь организацией массового паломничества в «святые» места (могилы шейхов Ильяса Цудахарского в с. Парул, Абдурахман-Гаджи Согратлинского в с. Нижнее Казанище и др.), некоторые из них нелегально обучают молодёжь Корану и арабской письменности [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 96. Л. 47–49]. Как результат, к концу 1950-х годов на территории республики, помимо 29-ти официально зарегистрированных мечетей, продолжали функционировать около 40 самочинно открытых мечетей, а также более 15 зияратов [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1696. Л. 1].

Попытки построения безрелигиозного общества

Относительно стабильные государственно-религиозные отношения после окончания Великой Отечественной войны к концу 1950-х годов подошли к новой черте, характеризующейся нагнетанием антирелигиозных настроений. Данный курс был продиктован не только религиозной активностью населения страны, но и изменением политического сознания во властных структурах. Считалось, что жизнеспособность коммунистической идеологии и построение на её основе светского общества в СССР теперь настолько очевидна, что необходимости в каких-либо других альтернативах, в том числе и в религиозной, отпадает [Шкаровский, 1999, 359]. Заявление Н.С. Хрущёва иностранной делегации о прямом отношении страны к атеизму с перспективой «освободить от религиозного дурмана как можно больше народа» [Дымарский, 2011], нашло своё отражение в религиозных гонениях, начавшихся по всей стране осенью 1958 года.

Отправной точкой явилось секретное постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»», которое обязывало не только развернуть наступление на религиозные пережитки советских людей, но и предписывало государственным учреждениям осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин [Цыпин, 1997, 379]. Абсолютно нормальным считалась практика на республиканском уровне принимать аналогичные постановления после принятия их в Москве. Так, в ДАССР этими вопросами занимались Дагестанский обком КПСС, Совет Министров и Президиум Верховного Совета ДАССР.

В декабре 1958 года Дагестанский обком КПСС издал постановления о мерах по усилению научно-атеистической пропаганды среди населения республики [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1310. Л. 222–223]. В республике были проведены кустовые и районные семинары лекторов-атеистов, обсуждался вопрос о массово-политической работе в Кахибском, Карабудахкентском районах [Ислам, 2011, 179], в которых располагались популярные в республике святые места. В своих отчётах, адресованных к ЦК КПСС, уже в 1959 году секретарь Дагестанского обкома КПСС Р. Эльдарова отмечала о широком применении на практике новых форм и методов научно-атеистической пропаганды среди трудящихся [Ислам, 2011, 179]. За год был издан ряд брошюр на русском языке и на языках народов Дагестана о религиозных пережитках. Например, «Пережитки шариата и вредные адаты и борьба с ними», «Мусульманское сектантство» [Ислам, 2011, 179]. В районы и города были направлены лекторы с различными лекциями на научно-атеистические темы.

Одновременно Дагестанский обком партии принял решение относительно паломничества к так называемым «святым местам» и наметил конкретные мероприятия для его прекращения ним [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1495. Л. 56]. В связи с этим были даны соответствующие указания райкомам, горкомам и другим организациям с целью добиться прекращения паломничества к «святым местам», основным методом которой служило проведение широкой разъяснительной работы среди населения [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1495. Л. 58]. При этом активно было задействовано руководство Духовного управления мусульман Северного Кавказа (далее – ДУМСК) в лице его председателя М.-Х. Курбанова со стороны обкома КПСС и Совета Министров ДАССР. В частности, было выражено намерение оказать содействие прекращению обманной деятельности кликушских элементов и организаторов паломничества к «святым местам» [Ислам, 2011, 181]. Было издано письменное указание всем кадиям и муэдзинам выступить среди верующих с разъяснениями ложности «святых мест» и несовместимости их посещения с требованиями шариата и Корана [Ислам, 2011, 181]. Указывалась также необходимость со ссылками на Коран показывать нелепость и несостоятельность зияратов [Власть, 2007, 185].

В итоге проведённых партийно-советскими органами мероприятий в республике перестали действовать 6 зияратов, было закрыто 30 незарегистрированных мечетей [Власть, 2007, 185]. Тем не менее, республиканские власти в отчётах в Москву продолжали отмечать большое количества фактов соблюдения мусульманами религиозных обрядов, положений адата и шариата, а также паломничества

к «святым местам» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 125. Л. 62]. В принятом 9 января 1960 года постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» были сформулированы рекомендации по устранению недочётов в сфере идейно-воспитательной работы [Симорот, 2014, 50].

Вслед за этим последовали новые постановления партии и правительства, которые ознаменовали собой новый этап гонений в отношении духовенства и верующих. Некоторые историки отмечают, что этот период был сродни 20–30-м годам XX века, когда в стране не прекращались репрессии против священнослужителей и религии в целом. Однако следует заметить, что принципиальным отличием репрессивных мер 30-х годов XX века, когда за правило были взяты уголовное преследование или аресты, в 60-е годы государство не просто стремилось запретить деятельность религиозных объединений, а поставить их под контроль. С этой целью широко использовались нормативно-правовые меры в сочетании с административными методами.

Новый импульс антирелигиозной кампании в стране придало вышедшее 13 января 1960 года секретное постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». В нём нашло отражение мнение об ослабленном контроле в деятельности религиозных организаций и духовенством, что, способствовало нарушениям законодательства о культах со стороны духовенства [Симорот, 2014, 50]. 16 марта 1961 года со стороны Совета Министров СССР последовало постановление № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Аналогичное постановление было издано и в ДАССР за № 322 от 25 июля 1961 года [Сулаев, 2009, 230].

16 марта 1961 года Совет по делам религиозных культов при Совмине СССР и Совет по делам РПЦ утвердили «Инструкцию по применению законодательства о культах». Данный документ, одобренный Президиумом ЦК КПСС, становился обязательным для его исполнения центральными и местными органами советской власти, партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, а также всеми должностными лицами и гражданами СССР. Деятельность религиозных организаций и духовенства согласно данной Инструкции определялась чёткими правовыми рамками. Упорядочивались их регистрация, открытие и закрытие молитвенных зданий, порядок пользования культовым имуществом, средства и формы контроля за соблюдением законодательства о культах [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 306].

Основная направленность вышедших нормативных актов была адресована духовенству, которое лишалось возможности осуществлять административные, финансово-хозяйственные функции в религиозных объединениях. В то же время уполномоченные усиливали свой контроль за деятельностью религиозных организаций. Так, в начале 60-х годов в республике были зафиксированы случаи закрытия действующих мечетей. В 1963 году заместитель Совета Министров ДАССР Шамхалов Ш.М. в своём письме Председателю Совета по религиозным культам А. Пузину сообщал мотивацию закрытия мечети в с. Губден Сергокалинского района. Среди причин указывалось и то, что мечеть превратилась в «рассадник пережитков религиозного культа» [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 23], кадий и его помощники ведут себя вызывающе, занимаясь антиобщественной деятельностью [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 25], антисанитарное состояние мечети и нарушение советских законов о культах со стороны Губденской религиозной общины, которая «недозволенными методами заставляет людей соблюдать вредные пережитки шариата» [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 26]. Но, несмотря на ходатайства руководящих органов республики, мечеть продолжала функционировать.

Исполком Кайтагского райсовета отмечал, что служители Уркарахской мечети допускают серьёзные нарушения советского законодательства о культах и ведут открытую пропаганду религии [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 64]. Пятикратное чтение акбара с призывом о молении, а также совершение религиозных обрядов (мавлид, зикру, садака) в домах колхозников наносит прямой вред коммунистическому воспитанию населения, особенно подрастающего поколения [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 64]. Исходя из этого, были приняты решения: запретить проведение религиозных обрядов; здание мечети перевести в Верхний

Уркарах, а освободившееся помещение передать Дахадаевскому потребобществу и Уркарахской 11-летней школе [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 65]. На заседаниях исполкомов Хасавюртовского городского совета депутатов трудящихся [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 66], Махачкалинского горсовета [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 79] духовенству было запрещено призывать к молитве с минаретов мечети. Все эти ходатайства местных властей завершались просьбой, адресованной Управлению по делам культов при Совете Министров ДАССР, оформить данные решения в законодательном порядке. Однако Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по ДАССР М.-С. Гаджиев запретил административное вмешательство во внутренние дела мечетей до получения соответствующих указаний от Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 27. Л. 42].

Участились жалобы со стороны верующих на уполномоченных совета по делам религий и должностных лиц местных советских органов на необоснованное закрытие молитвенных домов под предлогом нарушения требований санитарной или пожарной инспекций. По данному вопросу в апреле 1963 года председатель Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А. Пузин в своём специальном распоряжении запретил закрывать религиозные здания под вышеуказанными предложениями, мотивируя это тем, что «закрытие молитвенного дома административным путём ведёт не к ослаблению, а к усилению религиозной активности верующих и толкает их к нелегальной деятельности вне контроля государственных органов» [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 10–11].

Под административный контроль была поставлена и деятельность ДУМСК. Во второй половине 50-х годов XX века характеризуя состояние и деятельность религиозных культов в Дагестанской АССР, Уполномоченный по делам религиозных культов по ДАССР Х. Гасанов отмечал несостоятельную деятельность муфтия М.-Х. Курбанова. Указывая на низкий авторитет как духовного деятеля, которым он пользуется среди верующих, он подчёркивал, что последний не ведёт никакой работы среди служителей культа и верующих, которая была бы направлена на предотвращение от посещения мечетей детьми школьного возраста [ГУ «ЦГА РД». Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1180. Л. 11–13].

В 1964 году Председателем Совета Министров ДАССР М.-С.И. Умахановым была подготовлена докладная записка Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР А.А. Пузину, в которой он просил переместить ДУМСК из г. Буйнакса в г. Махачкалу [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 72–74; Д. 29. Л. 4–6]. Подчёркивая отдалённость местоположения ДУМСК, что создавало определённые трудности в систематической и плановой связи с ним, предлагалось разместить Духовное управление в здании мечети, расположенной в пригородной зоне г. Махачкалы – посёлке Тарки. Среди причин заслуживали внимания отсутствие действенного контроля за деятельностью ДУМСКа и отдельных представителей мусульманского духовенства, которые, в свою очередь допускают нарушения советского законодательства в области вопросов религиозных культов [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 72–74; Д. 29. Л. 4–6]. В свою очередь, в качестве примеров нарушения законодательства о культах были указаны самовольно открытые в ДАССР более 70 могил шейхов, где ежегодно собирались паломники в суммарном количестве 12000 человек [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 73].

Таким образом, на общегосударственном уровне происходили процессы, направленные на сдерживание религиозной активности мусульманских верующих. Это проявлялось и в религиозной обрядности населения, исповедующего исламскую веру.

Ниже приведём цифровые данные Уполномоченного Совета по делам религиозных культов М.-С. Гаджиева об участии населения республики в молениях в мечетях в мусульманских праздниках (данные предоставлены по 10 селениям республики) (Таблица составлена нами: [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 43–45]).

Данные приведённой статистики за период 1959–1963 годов показывают динамику проявления обрядовой религиозности населения ДАССР. Несмотря на некоторый подъём в 1960 году – Курбан-байрам и праздник Ашуры, в 1961 году – Ураза-байрам, в 1963 году показатели идут на убыль в дни каждого из праздников.

Приводя ориентировочные данные Уполномоченный Совета по делам религиозных культов М.-С. Гаджиев в 1963 году констатировал, что за последние три года до 90% проводимых обрядов совершается по шариату. Среди них обряды бракосочетания, наречения имени и похорон. При этом он считал, что у многих это не является признаком религиозности, а называл это просто соблюдением древних традиций [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 40]. Точные количественные данные о совершении указанных обрядов установить не представлялось возможности, так как они проводились не только служителями религиозного культа кадием или муэдзином, но и просто в присутствии любого арабиста.

Таблица 1.

Праздники	1959	1960	1961	1962	1963
Ураза байрам	9863	9675	11235	9060	3201
Курбан-байрам	-	9018	8856	9111	4255
Ашура	-	24284	23023	15905	15365

Посещаемость мечетей населением республики за 1962–1963 годы выглядит следующим образом (данные по 27 селениям): 1962 год – 4209 (в обычные дни), 9284 (в пятничные дни); 1963 год – 3817 (в обычные дни), 9332 (в пятничные дни) (подсчитано нами: [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 24. Л. 13–14].

Таким образом, необходимо отметить, что наступательная и конкретная работа партийных организаций, а также и государственных и общественных структур позволяла контролировать религиозную активность мусульманских верующих республики. А на фоне изменения демографической ситуации в Дагестанской АССР на рубеже 50–60 годов XX века, когда отмечалась самая высокая рождаемость и самый высокий естественный прирост (до 33,36%) [Алиев, Гаджиева, Куччаев, 2015, 69], количество соблюдавших ритуалы явно выглядят несколько низкими.

Повсеместно наряду с религиозной обрядностью государство следило за тем, чтобы во всех областях, краях, республиках шло внедрение безрелигиозных гражданских обрядов и советских праздников. В апреле 1964 года Уполномоченный СДРК по ДАССР М.-С. Гаджиев отмечал, что во многих районах республики восстановлены старинные народные праздники: «праздник первой борозды», молодёжный «праздник цветов», праздник черешни и др. [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 29. Л. 10] Наряду с восстановлением старинных праздников, в торжественной обстановке отмечались проводы в Советскую армию и встречи вернувшихся после службы. Данные мероприятия имели целью способствовать «массовому отрыву трудящихся от религиозных предрассудков» [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 29. Л. 11].

Роль мусульманского духовенства во внешней политике СССР

Ещё одним новым проявлением в жизни верующих мусульман и духовенства было вовлечение их в контакты с внешним миром как одно из проявлений внешней политики СССР. С этой целью в 1962 году был создан Отдел международных связей при Совете по делам религий. К образованию подобного органа в стране подтолкнули, прежде всего, внешнеполитические факторы. Вовлекая советское мусульманское духовенство во внешнее движение сторонников мира, приоритетной целью властей являлось «с перспективной использовать эти контакты в антиимпериалистической пропаганде и контрпропаганде» [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1404. Л. 23].

Решение о создании структуры было вынесено ещё в августе 1950 года. Основные задачи, которые надлежало возложить на указанный Отдел, были следующие: изучение зарубежных религиозных организаций; информирование руководства СССР; решение проблем, связанных с участием верующих из СССР в мероприятиях за границей [Ахмадуллин, 2016, 33]. В организованном в 1962 году паломничестве советских мусульман в Мекку в количестве 15 человек [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1402. Л. 134], были поставлены основные задачи советской пропаганды за рубежом, среди которых был призыв доказывать факт наличия свободы вероисповедания в Советской союзе [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1402. Л. 135].

На финансовое содержание Отдела международных связей, созданного для всех четырёх Духовных управлений мусульман, деньги поступали от муфтият и зарегистрированных мечетей. Ведомости всех религиозных объединений теперь имели графы под названиями «отчисления в Фонд мира» и «отчисления в Отдел международных связей». В 1963 году, согласно архивным данным, в международный отдел мечетями ДАССР было перечислено в общей сумме 4550 рублей [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 3], от ДУМСК – 1200 рублей [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 46]. Наибольшие отчисления делали мечети, расположенные в городах республики. Так, от Махачкалинской мечети поступило в 1963 году 1000 рублей, Дербентской и Буйнакской мечетей – 500 рублей [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 26. Л. 3]. Было и так, что в какие-то годы ДУМСК не осуществляло отчислений. В 1965 году при общем годовом доходе ДУМСК 37148 рублей в отдел международных связей мусульманского культа было отчислено 8000 рублей [ГУ «ЦГА РД». Ф. Р-1234. Оп. 4. Д. 36. Л. 7]. Данные за 1966 год отсутствуют.

Таким образом, исследование вопроса о вероисповедной линии Советского государства в отношении религиозных объединений страны на примере ДАССР в обозначенный период показывает нам целенаправленную и гибкую политику властных структур в отношении духовенства и религии в целом.

Библиографический список

1. Ахмадуллин, В.А. Отдел международных связей мусульманских организаций СССР в структуре Совета по делам религиозных культов: опыт создания и нормативные основы деятельности / В.А. Ахмадуллин // Исламоведение. – 2016. – № 2. – С. 32–38.
2. Власть и мусульманская религия в Дагестане. 1917–1991 гг. Документы и материалы. – Махачкала, 2007. – 276 с.
3. Дымарский, В.Н. Времена Хрущева. В людях, фактах и мифах / В.Н. Дымарский. – М., 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.libma.ru/> (дата обращения: 12.08.2016).
4. Ислам и советское государство (1944–1990). Сборник документов. Вып. 3 / сост., автор предисл. и прим. Д.Ю. Арапов. – М.: Изд. дом Марджани, 2011. – 528 с.
5. Симорот, С.Ю. Власть и религия. История отношений (1941–1990) / С.Ю. Симорот. – Хабаровск: Изд. ТОГУ, 2014. – 137 с.
6. Сулаев, И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: История взаимоотношений (1917–1991 гг.) / И.Х. Сулаев. – Махачкала, 2009. – 385 с.
7. Цыпин, В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997 / В. Цыпин, прот. – М., 1997. – 697 с.
8. Шкаровский, М.В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 400 с.

References

1. Akhmadullin V.A. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2016, no. 2, pp. 32–38 (in Russian).
2. *Vlast' i musul'manskaya religiya v Dagestane. 1917–1991 gg. Dokumenty i materialy* [Power and Islam in Dagestan. 1917–1991. Documents and Materials]. Makhachkala, 2007, 276 p. (in Russian).
3. Dymarsky V.N. *Vremena Khrushcheva. V lyudyakh, faktakh i mifakh* [Khrushchev's Time. In Persons, Facts, and Myths]. Moscow, 2011. URL: <http://www.libma.ru/> (accessed August 12, 2016) (in Russian).
4. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1944–1990). Sbornik dokumentov. Vyp. 3* [Islam and the Soviet Union (1944–1990). Collection of Documents. Vol. 3]. Ed. by D.Yu. Arapov. Moscow, Izd. dom Mardzhani, 2011, 528 p. (in Russian).
5. Simorot S.Yu. *Vlast' i religiya. Istoriya otnosheniy (1941–1990)* [Power and Religion. History of the Relations (1941–1990)]. Khabarovsk: Izd. TOGU, 2014, 137 p. (in Russian).
6. Sulayev I.Kh. *Gosudarstvo i musul'manskoe duhovenstvo v Dagestane: Istoriya vzaimootnosheniy (1917–1991 gg.)* [State and Muslim Clergy in Dagestan: History of the Relations (1917–1991)]. Makhachkala, 2009, 385 p. (in Russian).
7. Tsypin V., prot. *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1917–1997* [History of the Russian Church]. Moscow, 1997, 697 p. (in Russian).
8. Shkarovsky M.V. *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve. (Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg.)* [The Russian Orthodox Church in Stalin and Khrushchev's Time. (Church-State Relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvorye, 1999, 400 p. (in Russian).